

Одиннадцать вечера. В баре Призрак шум достиг апогея. Оглушительные электронные ритмы, словно осязаемые звуковые волны, били по барабанным перепонкам и нервам. Ослепительные лазерные лучи бешено рассекали дым и колышущуюся толпу, создавая атмосферу дурманящего безумия. Воздух, пропитанный тяжелой смесью дорогого парфюма, алкоголя, сигар и пота, казался почти удушливым.

Фан Синхэ только что закончил обслуживать столик в VIP-зоне, где сидели крайне придиричвые клиенты. На висках выступили мелкие капли пота, стекавшие по лицу. Тесная черная униформа сковывала движения, а рубашка на спине насквозь пропиталась влагой, неприятно липнув к коже. После нескольких часов изнурительной работы, требующей постоянной бдительности и готовности к любым неожиданностям, он чувствовал себя выжатым до капли.

Единственным его желанием было дотянуть до рассвета, закончить смену и вернуться в свою тесную, обшарпанную съемную квартиру — единственное место, где он мог сбросить маску и позволить себе хоть немного перевести дух.

Он прислонился к барной стойке, намереваясь сделать глоток воды, когда к нему быстро подошел бригадир, Ли-гэ. На лице того застыло выражение, в котором смешались подобострастие, услужливость и едва уловимое беспокойство. Придвинувшись к Фан Синхэ, он понизил голос почти до шепота:

— Синхэ, господин Хо из кабинки A01 просит тебя подойти. Говорит, есть дело.

Сердце Фан Синхэ пропустило удар, словно его сжала невидимая ледяная рука. Дыхание перехватило. То, чего он так боялся, все-таки случилось.

С тех пор как он отверг предложение о высокооплачиваемой подработке, Хо Чжао не появлялся в баре несколько недель. Однако Фан Синхэ не почувствовал облегчения — напротив, на душе стало тяжело, словно перед бурей. Казалось, этот невидимый, давящий взгляд никуда не исчезал, продолжая холодно следить за ним из тени.

Он глубоко вздохнул, заставляя бешено колотящееся сердце успокоиться, и постарался сохранить невозмутимое выражение лица, предприняв последнюю попытку отсрочить неизбежное:

— Ли-гэ, у меня тут... Клиенты из B02 и зоны C только что заказали напитки, я еще не отнес, к тому же...

— Ой, да оставь ты это! — нетерпеливо перебил его бригадир, тон которого не допускал возражений и даже содержал нотку недовольства неблагодарностью подчиненного. — Ты понимаешь, кто такой господин Хо? Он лично тебя позвал, а ты смеешь заставлять его ждать? Иди же! Я попрошу других подменить тебя. Запомни, будь порасторопнее, господин Хо — наш самый важный гость, только попробуй его разозлить!

Глядя на неприкрытую лесть и испуг на лице Ли-гэ, Фан Синхэ понял, что у него нет выбора. В этом месте деньги и власть — единственные правила. Он кивнул, и голос его прозвучал сухо:

— Хорошо, я понял.

Он развернулся спиной к шумной толпе и украдкой выровнял дыхание. Потянувшись к воротнику, он тщательно застегнул верхнюю пуговицу униформы, поправил манжеты, словно надевая невидимый, но хрупкий доспех.

Затем он двинулся к кабинке A01 — месту с лучшим обзором, самому уединенному и словно существующему в ином мире. Каждый шаг казался движением по вате или по тонкому, трескающемуся льду.

В кабине A01 сегодня было необычно тихо. Хо Чжао сидел один. Он вальяжно утопал в мягком диване, длинными пальцами рассеянно вертя не зажженную сигару Cohiba. На столике перед ним стоял бокал с виски, лед в котором почти растаял, разбавив напиток и придав ему вид чего-то увядающего.

Хо Чжао, казалось, намеренно приглушил свою обычную властную ауру, но присущая ему даже на подсознательном уровне уверенность человека, стоящего на вершине власти, по-прежнему давила, словно невидимая сеть. Приблизившись, Фан Синхэ почувствовал, как воздух стал тяжелым, а шум бара словно отрезало.

Остановившись в шаге от кабинки, Фан Синхэ слегка поклонился и произнес стандартную, лишённую всяких личных эмоций фразу. Его голос прозвучал отчетливо и отчужденно на фоне общего гама:

— Добрый вечер, господин Хо. Чем могу служить?

Хо Чжао медленно поднял веки, и его взгляд, тяжелый, словно осязаемый, упал на Фан Синхэ.

Сегодня из-за долгой работы и духоты щеки парня горели неестественным румянцем, а черные пряди волос на лбу намокли от пота и прилипли к гладкой коже. Его глаза, обычно ясные, но полные настороженности, в мерцающем свете ламп казались подернутыми влажной дымкой. В них стало меньше холода, зато неожиданно проступила какая-то живая, хрупкая красота, еще сильнее подчеркивающая, насколько чужеродным он был в этом мире разврата и роскоши.

Хо Чжао не спешил с ответом. Он просто изучал его своими бездонными глазами, жадно впитывая каждую черточку: линию бровей, переносицу, губы, тонкую, бледную полоску шеи, видневшуюся в вырезе униформы. Этот молчаливый, исполненный собственничества осмотр был куда более агрессивным, чем любые откровенные слова — казалось, он проникал сквозь одежду, прямо в душу.

Руки Фан Синхэ, сжатые в кулаки, впились ногтями в ладони. Острая боль помогла ему сохранить хладнокровие и не отступить под этим удушающим взглядом.

— Свободен после смены? — наконец произнес Хо Чжао. Его голос был низким и густым, в нем невозможно было уловить гнев или радость, но прямота вопроса застала Фан Синхэ врасплох, словно холодный кинжал, пронзивший фальшивую вежливость.

Сердце парня подпрыгнуло, едва не вырвавшись из груди. Подавив подступившую к горлу волну эмоций, он ответил ровным тоном:

— Прошу прощения, господин Хо. Моя смена заканчивается поздно, мне нужно успеть в общежитие, завтра утром у меня важные пары.

Он попытался использовать учебу как щит.

— Вот как? — Хо Чжао слегка качнул бокал, и остатки льда глухо звякнули о стекло, звук прозвучал в тишине кабинки особенно резко.

Уголки его губ дрогнули в едва заметной, лишенной тепла усмешке.

— А я думал, в твоём положении тебе не помешала бы... небольшая помощь извне. — Он помолчал, и его взгляд стал прямым и острым, как у ястреба, с примесью откровенной, не терпящей отказа агрессии. — Фан Синхэ, ты мне нравишься. Честно говоря, если ты будешь рядом, ты получишь то, о чем сейчас даже мечтать не можешь: безбедную жизнь, лучшие медицинские ресурсы для лечения матери, возможность закончить учебу без лишних забот и даже... блестящее будущее, которое твоим сверстникам и не снилось. Разве все это не то, что тебе так нужно прямо сейчас?

Он говорил так спокойно, будто обсуждал выгодную коммерческую сделку, но содержание его слов было шокирующим, обнажающим власть и желания. Никаких намеков, никаких проверок — он просто выложил все карты на стол, сорвав последнюю маску приличий.

Фан Синхэ почувствовал, как к лицу прилила кровь от шока, унижения и ярости. В глазах потемнело, в ушах зазвенело. Он никак не ожидал, что этот человек будет настолько прямолинеен в своих... оскорбительных требованиях. За кого он его принимает? За вещь, которую можно купить?

Он прикусил губу до боли, с трудом сдерживая готовый сорваться крик. Подняв голову, он впервые посмотрел Хо Чжао прямо в глаза, не чувствуя страха. Его голос дрожал от сдерживаемого гнева, но каждое слово было твердым, как камень:

— Господин Хо, спасибо за вашу... доброту.

Он сделал акцент на слове доброта, вложив в него весь холод и сарказм, на которые был способен.

— Но, — он глубоко вдохнул, — боюсь, вы ошиблись. Я работаю в баре Призрак, чтобы честным трудом оплачивать учебу и жизнь. Я ищу достойную работу и будущее, завоеванное собственными силами, а не те... отношения, о которых вы говорите.

Он сделал паузу, собираясь с силами, и четко, по слогам провел черту:

— Мы с вами — люди из разных миров.

В баре по-прежнему гремела музыка, вокруг бушевало пьяное веселье, но эти несколько фраз Фан Синхэ прозвучали как остро наточенный скальпель, решительно отсекающий тонкую вуаль из власти и похоти, которой Хо Чжао пытался их окутать.

Его взгляд был ясным, твердым, полным достоинства, не допускающим ни единого шанса на компромисс.

Притворное спокойствие на лице Хо Чжао в тот миг, когда прозвучало «мы из разных миров», бесследно исчезло. Он ожидал отказа, был готов к тому, что парень будет колебаться или торговаться, но не думал, что этот юноша окажется таким категоричным, прямолинейным и даже... пренебрежительным.

Эти слова вонзились в него, словно раскаленная игла, попав в самое больное место — в его скрытую от всех гордость за свое происхождение и жажду обладания. Он, Хо Чжао, обладающий властью и богатством, был отвергнут нищим студентом, который в его глазах просто прислуживал за гроши!

Взгляд Хо Чжао мгновенно оледенел. Вся его «терпеливость» и «мягкость» испарились, сменившись ледяной стужей и скрытой, пугающей яростью. Он не стал устраивать сцену сразу, лишь прищурился, впившись в Фан Синхэ таким взглядом, от которого, казалось, могла застыть душа.

— Хорошо, — спустя долгое время процедил Хо Чжао сквозь зубы.

Голос был тихим, но леденящим, предвещающим бурю. Фан Синхэ почувствовал, как давление, исходящее от мужчины, возросло, словно его хотели раздавить в лепешку. Холодный пот прошиб его от пяток до макушки. Он знал, что с этой секунды окончательно и бесповоротно настроил этого человека против себя, разжег его гнев. Но в душе не было ни капли сожаления — лишь чувство освобождения. Есть границы, касающиеся чести и достоинства, отступать от которых нельзя, даже если впереди ждет бездна.

Он снова слегка поклонился, соблюдая последние формальности, и произнес еще более

СПОКОЙНЫМ ТОНОМ:

— Если у вас нет других поручений, господин Хо, я вернусь к работе.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и ушел. Его шаги были быстрыми, но он старался сохранять твердость. Его прямая спина в свете неоновых ламп казалась тонким, одиноким деревцем, выстоявшим среди терновника — хрупким, но гордым и несломленным.

Хо Чжао не сводил глаз с удаляющейся фигуры, пока та не исчезла в толпе. В его руке дорогая сигара была бессознательно смята и почти переломилась. В бокале растаял последний кусочек льда, виски стало безвкусным — точно так же, как и последняя капля «терпения» в его душе: она окончательно остыла и испарилась.

У роз есть шипы, он знал это заранее. Но раз уж нежные попытки сорвать цветок привели лишь к порезам, он не постесняется применить более радикальные меры, чтобы эта почва, взрастившая колючки, навсегда утратила свою силу и зачахла.

Маски были сброшены. Больше притворяться не имело смысла.

<http://bllate.org/book/19580/1920030>